

Книги
ЮКИО МИСИМЫ,
опубликованные
Издательством АЗБУКА

ИСПОВЕДЬ МАСКИ
ЖАЖДА ЛЮБВИ
ЗАПРЕТНЫЕ ЦВЕТА
ШУМ ПРИБОЯ
БОГИНЯ
ЗОЛОТОЙ ХРАМ
ДОМ КЁКО
ПОСЛЕ БАНКЕТА
ДЕВУШКА ИЗ ХОРОШЕЙ СЕМЬИ
ИГРЫ ЗВЕРЕЙ
МОРЯК, КОТОРОГО РАЗЛЮБИЛО МОРЕ
МУЗЫКА
ЖИЗНЬ НА ПРОДАЖУ

*

Тетралогия «Море изобилия»
ВЕСЕННИЙ СНЕГ
НЕСУЩИЕ КОНИ
ХРАМ НА РАССВЕТЕ
ПАДЕНИЕ АНГЕЛА

*

ЗВУК ВОДЫ
ФИЛОСОФСКИЙ ДНЕВНИК
МАНЬЯКА-УБИЙЦЫ,
ЖИВШЕГО В СРЕДНИЕ ВЕКА
ФОНТАНЫ ПОД ДОЖДЕМ
СМЕРТЬ В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА

*

СОЛНЦЕ И СТАЛЬ
КНИГА САМУРАЯ

ЮКИО
МИСИМА
БОГИНЯ

Издательство «Азбука»
Санкт-Петербург

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44
М 65

Yukio Mishima
MEGAMI

Copyright © 1954–1955, The Heirs of Yukio Mishima
All rights reserved

Перевод с японского Елены Струговой
Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-27029-9

© Е. В. Стругова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

— Вот и сезон, когда нужен зонтик от солнца, — сказала Асако.

— Давай я тебе куплю. Французский, с длинной ручкой. Тебе такой подойдет. Фу, женщина прошла в темных очках. Не нужны они. Тебе, Асако, не надо носить очки от солнца.

— Ты, пап, терпеть не можешь солнечные очки, да?

— Их носят неуверенные в себе женщины. Что в них хорошего? Скрывать красивые глаза, да еще и выставять себя женщиной легкого поведения.

Сюго с дочерью вошли в магазин, торгующий европейскими зонтами. Что бы он ни покупал дочери, выбирал всегда долго. Асако в конце концов становилось скучно, она соглашалась со всем, и ей уже ничего не хотелось.

— К этому платью лучше с выраженными полосками.

Умаявшийся продавец принес больше десятка зонтов. Сюго поставил свою единственную дочь перед зеркалом и теперь просил ее менять позы: то опереться на сложенный и отставленный в сторону зонт, то раскрыть его над головой.

— Что-то не пойму, как лягут на лицо тени, когда солнце будет просвечивать сквозь эти полосы. Асако, выйди-ка ненадолго на улицу.

— Да ну, как-то неловко.

Асако, прищурившись, смотрела на залившую светом дорогу. Ослепительное солнце середины мая уже клонилось к закату. Холодная вечерняя тень быстро окутывала высокое здание напротив, витрины потемнели. В электричке, в театре, в ресторане — везде мужчины пристально смотрели на Асако. Есть что-то поразительное в том, как один человек смотрит на другого. Подростком она ничего не понимала, но, повзрослев, осознала смысл этого страшного понятия из Библии — совершаемого взглядом прелюбодеяния¹ — и сразу ужаснулась: казалось, эти ядовитые взгляды грызут ее не запятнанное пока тело.

¹ Имеется в виду фрагмент Нагорной проповеди: «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5: 28). — *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

Богиня

Она встречала подобное в американских комиксах: идет нарядная красавица, супружеская пара среднего возраста останавливается, смотрит на нее. В глазах жены отражается только наряд, а муж видит красавицу голой.

Не то чтобы Асако ощущала именно это. Но каждый раз, когда на нее пристально смотрел мужчина, складывалось впечатление, что она столкнулась с эротоманом. Ей казалось, что за этими взглядами всегда скрывается загадочный подтекст. Возможно, какой-нибудь мужчина, скользнув мимолетным взглядом по лицу Асако, весь день потом ходил как зачарованный и был счастлив. Ничто в ее лице не вызывало у людей неприличных желаний, не толкало на безрассудство, но не было в ее облике и холодной, непорочной, отрешенной красоты. Женственная, приветливая, жизнерадостная Асако располагала к себе людей, и в этом была ее сила.

Когда они вышли из магазина, солнце уже село, так что зонт не понадобился.

— Я проголодался. Давай поедим, — предложил Сюго.

Каким-то загадочным образом в нем уживались невероятная доброта и невероятный эгоизм. Ему не приходило в голову спросить у дочери, хочет ли она есть. Он исходил из требований лишь своего желудка, но сообщал о принятом решении мягким, заботливым тоном, поэтому Асако не могла противиться.

Несмотря на экономический застой, вызванный политикой дефляции, Гиндзу¹ вечером наводняли толпы одетых по-летнему людей. Впрочем, среди них можно было по пальцам пересчитать тех, кто пришел за по-

¹ *Гиндза* — один из центральных кварталов и фешенебельный торговый район Токио.

купками. Но для того, чтобы просто наслаждаться прогулкой, тротуар был слишком узок, а в переулках асфальт пестрел выбоинами и трещинами, и к тому же там повсюду высились кучи гравия для дорожных работ.

Проходя здесь, Сюго каждый раз ворчал:

— Как по мне, токийским чиновникам прогулять бы по Елисейским Полям в Париже. Что это за улица такая?! Как по ней людям ходить?

Сюго частенько критиковал технический прогресс, в подобных же случаях он негодовал из патриотизма.

Горячий поклонник западной культуры — в отличие от тех, кто превозносил ее напоказ, — до войны он несколько лет жил за границей и, вернувшись в Японию, построил дом в европейском стиле: там не было ни одной комнаты с *татами*¹ и везде можно было ходить в обуви. Под конец войны дом сгорел в пожаре, так что Сюго волей-неволей пришлось купить уцелевший японский дом в токийском районе Дэнъэнтёфу и переехать туда. К жизни по-европейски семья

¹ *Татами* — тростниковые, набитые рисовой соломой маты, которыми в Японии застилают полы в жилых помещениях традиционного типа; один *татами* принимается за единицу площади и обычно равен около 1,6 кв. м.

возвращалась только летом, когда приезжала на дачу в Каруидзаву¹.

Прежде Сюго занимал высокий пост в зарубежном филиале торговой фирмы, входившей в крупную промышленно-финансовую группу, а в Японии был назначен главой металлургической компании из того же концерна. Послевоенные чистки в верхах обошлись для него малой кровью, и через несколько лет он удачно вернулся на должность директора в одну из компаний, связанных с прежними промышленно-финансовыми объединениями. Опять подолгу пропадал на работе, но, несмотря на это, взял за правило раз в неделю обязательно гулять с дочерью по городу. В такие дни Асако под конец работы приходила встретить отца в контору на пятом этаже высотки в районе Хибия.

Сюго толкнул стеклянную дверь ресторана. С дочерью он обращался как с леди, поэтому пропустил ее вперед, а сам вошел следом. В отличие от нынешней молодежи, у него это выглядело естественно, ничего наигранного, и недалекий человек из-за красоты Асако вполне мог безосновательно принять отца с дочерью за старого джентльмена и его любовницу.

¹ *Каруидзава* — популярный летний курорт, где также расположено много частных дач.

Сдав зонт в гардеробную, Сюго легонько дотронулся до плеча дочери и увел ее к бару. Асако не особо любила спиртное, но за компанию с отцом ей приходилось перед едой выпивать аперитив. Он был решительно против, чтобы дочь в это время пила американскую кока-колу или апельсиновый сок.

Бар пустовал. Скучающий бармен, глядя в зеркало за батареей бутылок, поправлял черный галстук-бабочку.

Официанту, подошедшему принять заказ, Сюго бросил:

— Мне martini. — И, с ласковой улыбкой обернувшись к дочери, спросил: — А ты что будешь, Асако?

— Я? «Дюбонне»¹.

Официант отошел, Сюго одобрительно, словно подавая знак «засчитано», посмотрел на дочь.

Он строго внушал Асако, что даме пристало заказывать, во-первых, исключительно «женские напитки» — ликеры, вино, «Кюрасао», сладкие коктейли, а во-вторых, они должны гармонировать с цветом платья. Се-

¹ «Дюбонне» — французский аперитив, известный с XIX века, вермут с добавлением хинина, трав и пряностей, бывает белым и красным; изначально был придуман парижским аптекарем Джозефом Дюбонне в качестве средства от малярии.

Юкио Мисима

годня Асако была в платье темно-винного цвета и такого же оттенка туфлях. Отцовские уроки не прошли даром: она заказала красный аперитив.

Принесли напитки, отец и дочь с улыбкой переглянулись и чокнулись бокалами.

Когда они уселись за столик, перед Асако вновь встала проблема выбора. Она могла прочесть меню на французском языке. Ее с детства учили, как вести себя за столом с европейской кухней, и она ни в чем не ошибалась, но выбирать удачные сочетания блюд из меню научилась, только когда начала посещать рестораны с отцом.

Тот ел на французский манер: в левой руке держал хлеб, а в правой вилку. Разговор за столом должен быть приятным, с тонким, не обидным для собеседника юмором. Сюго специально обучал Асако этикету, чтобы она в будущем могла выступать в роли хозяйки грандиозных банкетов. И обычно уточнял: «Даже если это будет за границей».

— Ты японка и должна знать японскую культуру.

— Поэтому ты опять поведешь меня на спектакль но.

— В воскресенье в театре на Суйдобаси дают «Сёдзё»¹, там есть акт «Семь чудовищ», который исполняет только школа Хосё². На сцену выходят сразу семь сёдзё, тут и двадцати, а то и сорока литров сакэ не хватит. В программке наверняка будет указано, что самый дикий танец исполняет один актер, остальные шестеро в нем не участвуют.

Асако вежливо промолчала.

Сюго хорошо чувствовал ее настроение. Пока он рассказывал, послушная дочь внимала, на первый взгляд с искренним интересом — как он ее учил, с «выражением, уместным для любого круга общения». Но он видел, что она все же слегка витает в облаках.

«Она меня не слушает», — подумал Сюго, однако продолжал говорить. С одной стороны, он гордился тем, что дочь в совершенстве освоила мастерство скрывать чувства за этой маской, с другой — его это даже забавляло.

После того как отец умолк, Асако не сразу вернулась с небес на землю.

¹ «Сёдзё» — пьеса традиционного театра но, названная по имени мифического существа, похожего на орангутана, но с театральной маской человека. Эти существа славятся невероятной любовью к сакэ, которое могут пить, не пьянея, в огромных количествах.

² Хосё — одна из школ (направлений) театра но.

— Что-то случилось?

— А?.. Да нет.

— Ты что-то от меня скрываешь?

Подошел официант забрать пустые тарелки. В зал со смехом ввалилась компания из нескольких мужчин и женщин, и разговор прервался. Отец и дочь молча смотрели на две красные с белой каймой гвоздики в неустойчивой, узкой посеребренной вазе.

Только что они выглядели вполне счастливыми, а теперь над столом повисла печаль, будто на солнце вдруг набежала тень.

По лицу Сюго было понятно, что ему совсем не хочется, чтобы вечер что-то омрачило. Брови с проседью нахмурились — он, как капризный ребенок, собирался любой ценой получить желаемое.

— О чем ты думала?

— Так, ни о чем.

— Нельзя лгать отцу. Ты можешь сказать мне все.

Когда Сюго проявлял свойственный ему эгоизм, его лицо становилось невероятно добрым и мягким.

— Ну же, говори.

Загнанная в угол, Асако потупилась и тихо произнесла:

— О маме...

— Ясно.

Сюго положил вилку на тарелку и вздохнул:

— Асако, мы ведь договаривались не касаться этого, когда гуляем вдвоем?

— Да, но... — Асако старательно и непринужденно, хотя на самом деле у нее немели пальцы, отрезала кусок мяса, а затем решительно продолжила: — Я очень радуюсь, когда мы бываем где-то вдвоем с тобой. Но ничего не могу поделать с ощущением, что это счастье покоится на несчастье. Невольно думаю о маме. И когда с друзьями куда-нибудь выхожу — тоже.

— Хм... — Сюго побледнел и помрачнел, словно внезапно очнулся от грез. — Понимаю твои чувства. Но дело тут не в моей холодности. Мама, скорее всего, не так несчастна, как кажется. Жить, не выходя из дома и ни с кем не встречаясь, ей даже нравится. Я виноват, что не вывожу ее, но понимаю, что, если буду настаивать, ничего не получится. Лучше оставить все как есть. Думаю, это и для нее будет счастьем.

— Но, папа... — набравшись смелости, не отступила Асако. — Если бы ты хоть раз попытался вывести ее куда-нибудь...

— К сожалению, Асако, это намного труднее, чем ты думаешь.

Ёрико, жена Киномии Сюго, была невероятной красавицей — можно без преувеличения сказать, что ее внешность буквально повергала в изумление. Сюго очень заботился о жене; во время долгого пребывания за границей эти любящие друг друга супруги были гордостью торговой компании, где он служил, — более того, гордостью японцев. У Ёрико была потрясающая фигура; вечерние платья, которые японские женщины обычно не умеют носить, сидели на ней элегантнее, чем на любой француженке. Мало кому из японок к лицу драгоценности: в основном украшения хорошо смотрятся на женщинах с белой, как мрамор, кожей, тогда как у японок кожа желтоватая и сияние драгоценных камней плохо с ней гармонирует. На Ёрико драгоценности смотрелись великолепно. Ее пышная грудь и плечи не терялись в декольтированных вечерних платьях. Когда супруги приходили в ресторан, где не

бывали прежде, их часто принимали если не за королевскую чету с Ближнего Востока, то, как минимум, за членов королевской семьи.

Ёрико прекрасно осознавала собственную красоту. Но большую часть этого знания дал ей муж. Женскую красоту Сюго воспринимал отчасти эксцентричным манером. Например, он позволял жене пользоваться только теми духами, которые нравились ему, и постепенно этот аромат приобрел символическое значение, неразрывно связанное с личностью самой Ёрико. Однажды, собираясь на прием, она нанесла духи, полученные в подарок не от Сюго. Тот уткнулся носом жене в плечо, а потом вдруг со свирепым видом потащил в ванную и своими руками начал драить мылом ее тело. Ёрико по ошибке посчитала это ревностью и, стоя в мокром платье, принялась оправдываться, что духи ей подарила супруга посла. Но ярость Сюго была вызвана не ревностью, а ударом по его иллюзиям. Больше Ёрико никогда не пользовалась другими духами.

Сюго любил ласкать даже стопы жены и ее пальцы ног. Если бы люди узнали про эти ласки, то, глядя на красоту Ёрико, наверняка сочли бы их более чем допустимыми. У Сюго было свое представление насчет нарядов и украшений жены, и со временем его мнение

стало для Ёрико важнее советов приятельниц с богатым гардеробом. При заказе одежды для прогулок Сюго излагал свои соображения, требуя учитывать все, вплоть до цвета деревьев по утрам или в сумерках. Необходимо было соблюдать гармонию женского наряда и украшений со всем: цветом неба и моря, закатом, оттенками облаков на рассвете, отражением в пруду, деревьями, зданиями, сочетанием красок в помещении, с разным временем суток, лучами света, обстановкой на собраниях и встречах. В парижские «Оперá Гарнье» и «Оперá Комик» полагалось ходить в разных платьях; есть одежда, которая может выглядеть лучше или хуже на фоне обстановки в доме, куда их пригласили.

Кроме того, всякий раз после очередного вечернего приема Сюго делал Ёрико замечания насчет ее поведения и соблюдения этикета, въедливо критиковал каждую мелочь — ее манеру курить, держать бокал, отвечать на приглашение к танцу, обмахиваться веером: это было бы лучше сделать так, то смотрелось бы привлекательнее этак. Порой, глядя, как жена в домашнем платье небрежно прилегла вечером на диван, Сюго хвалил ее прелестную, естественную позу и с сожалением вздыхал, что такую не получится принять на приеме. Не будучи актрисой, Ёрико

Мисима Ю.

М 65 Богиня : роман / Юкио Мисима ; пер. с яп. Е. Струговой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2025. — 192 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-27029-9

Сюго, почтенный и просвещенный отец семейства, еще в молодости разгадал тайну женской красоты: если изо дня в день внушать женщине, что она красавица, она станет красавицей. Этот подход он, утонченный ценитель прекрасного, годами применял к жене, а затем и к единственной дочери. Вырастить юную Асако идеальной женщиной — такова безгрешная, но необоримая страсть этого Пигмалиона. Однако что произойдет, когда идеальная женщина явится в мир и там впервые столкнется с любовью и предательством?..

Юкио Мисима (1925–1970) — звезда литературы XX века, самый читаемый в мире японский автор, обладатель блистательного таланта, прославившийся как своими работами широчайшего диапазона и разнообразия жанров (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и ошеломительной биографией (одержимость бодибилдингом, крайне правые политические взгляды, харакири после неудачной попытки монархического переворота). Его «Богиня» — тонкая, отчасти сатирическая аллегория творчества (считается, что Мисима полемизирует здесь с эстетом Дзюнъитиро Танидзаки и трагической фигурой японской поэзии Осаму Дадзаем) и пронзительная история о реальных людях, которые во имя любви к прекрасному пытаются лепить красоту из живого материала и в результате обречены лицом к лицу столкнуться с богами.

Впервые на русском!

УДК 821.521

ББК 84(5Япо)-44

ЮКИО МИСИМА

БОГИНЯ

Ответственный редактор Анастасия Грызунова

Редактор Екатерина Весна

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Валентина Дик

Компьютерная верстка Алины Леонтьевой

Корректоры Нина Писковитина, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 07.07.2025.

Формат издания 84 × 90 1/32. Печать офсетная. Тираж 7000 экз.

Усл. печ. л. 8,4. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА*,	АЗБУКА* тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19,
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, г. Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А,	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел.: (812) 327-04-55	Тел.: (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

Y-SMN-36030-01-R